

Дождь лил стеной.

Но это был не тот дождь из реального мира, который помнил Цзян Чэн.

Не было слышно привычного шуршания капель, не чувствовался аромат пропитанной влагой земли, и кожа не ощущала прохлады.

Здесь, на самой границе системной зоны утилизации, раскинулась пустошь этого игрового мира.

Из свинцово-серых облаков непрерывным потоком сыпались бесчисленные зеленые символы. Нули и единицы — самый базовый и в то же время самый безжалостный материал, из которого строилась эта виртуальная вселенная.

Словно ливень, эти люминесцентно-зеленые строчки кода обрушивались на иссохшие деревья с характерным электрическим треском. Падая на черные валуны, они разъедали твердый камень, оставляя дымящиеся воронки.

Это был настоящий цифровой ливень.

Внутри скрытой от глаз пещеры тусклые отблески костра плясали на каменных стенах, едва разгоняя пронизывающую прохладу и пробивающийся снаружи зеленый свет. Сложенный из сухих веток костер изредка потрескивал, взрываясь искрами.

Цзян Чэн сжался в комок на ровном выступе скалы у самого огня.

Его роскошный, расшитый узорами красный наряд невесты давно превратился в лохмотья, поэтому он снял его и отбросил в сторону. Сейчас на нем оставалось лишь шелковое нижнее белье — алое, как свежая кровь.

Тонкий шелк, насквозь пропитанный холодным потом, облепил его дрожащую спину, четко очерчивая худые, но изящные линии лопаток.

Однако холода он не чувствовал.

Единственное, что им владело, — это боль.

И эта боль не была вызвана физической раной.

Кожа на его правом плече оставалась белой и гладкой, без единой царапины.

Тем не менее, Цзян Чэн мертвой хваткой вцепился левой рукой в правое плечо, вдавливая пальцы так сильно, что побелели суставы, словно пытаясь вонзить их под кожу. Его тело сотрясали неконтролируемые судороги, каждый вдох отзывался в горле ощущением битого стекла.

— Гх...

Сквозь стиснутые зубы вырвался едва сдерживаемый, надрывный стон.

Из-за необратимого контракта «разделения боли» жуткая рана на теле Су Е, нанесенная директивой удаления, сейчас в виде нервных импульсов взрывалась в коре головного мозга Цзян Чэна.

— Ха... Ха...

Цзян Чэн тяжело дышал. Пот катился по его бледным щекам и капал на ярко-красный воротник, оставляя на ткани темные влажные пятна.

Он через силу приоткрыл затуманенные потом глаза и посмотрел на мужчину, который сидел напротив.

Су Е расположился по другую сторону костра, привалившись спиной к шероховатой стене пещеры.

Доспехи на верхней половине его тела были окончательно уничтожены во время недавней атаки, так что сейчас он сидел с обнаженным торсом, демонстрируя рельефную, сухую мускулатуру.

Отблески пламени ложились на его бледную кожу, придавая этому неистовому мужчине теплое сияние.

Су Е с абсолютно непроницаемым лицом разглядывал свою рану.

В руке он держал еще не до конца сломанный кинжал, которым пытался вычистить по краям раны куски уже омертвевшего кода.

Острые коснулось плоти, вызвав легкий треск электрического разряда.

Зи-и-ик —

Сидевший напротив Цзян Чэн резко дернулся и вскрикнул от боли:

— А-ах!..

Рука Су Е замерла.

Он поднял голову и сквозь пляшущие языки пламени посмотрел на сжавшегося в комок Цзян Чэна.

Его разноцветные глаза в полумраке казались пугающе глубокими.

— Так больно? — голос Су Е прозвучал до того ровно и отстраненно, будто он просто спросил, не закончился ли дождь.

Цзян Чэна от этих слов чуть не вывернуло кровью от злости.

Он с трудом поднял голову. Его обычно холодное, отрешенное лицо сейчас исказилось от невыносимых мук, уголки глаз покраснели и наполнились невольными слезами.

— Чу... чушь не неси... — выдавил Цзян Чэн сквозь зубы слабым, хриплым и дрожащим голосом. — Разве ты... ты сам ничего не чувствуешь? Это все равно что... все равно что ампутация без анестезии...

Цзян Чэн был человеком цивилизованным, интеллигентным геймдизайнером. Но в этот момент ему хотелось выплеснуть все ругательства мира, чтобы описать эту пытку.

Это было не просто больно. На него накатывал панический ужас утраты. С каждой новой

вспышкой боли ему казалось, будто этот мир по кусочкам стирает его самого.

— Чувствую? — повторил Су Е, и на его губах промелькнула едва заметная издевательская усмешка. — Я привык.

Су Е сменил позу, согнув одну ногу в колене и небрежно опустив на нее руку.

— За прошедшие три миллиона перерождений мне отрубали голову герои, меня сжигала дотла магия, один только святой меч пронзал мое сердце больше десяти тысяч раз, — Су Е уставился на огонь, и его взгляд стал отрешенным, словно он заново переживал те бесконечные, пропитанные кровью циклы. — Подобная степень боли от удаления для меня сущие пустяки.

Он говорил правду. Для финального босса, рожденного для боя и запертого в круговороте смертей, физическая боль давно стала обычным делом. В какой-то степени эта боль оставалась для него единственным способом подтвердить, что он все еще существует.

Однако...

Взгляд Су Е прошел сквозь пламя и замер на Цзян Чэне.

Тот самый высокомерный бог, который когда-то сидел перед экраном и с холодным безразличием наблюдал за его бесконечными смертями, его создатель... Сейчас он, словно промокший под дождем воробей, завернулся в свои красные одежды и дрожал всем телом из-за чужой раны.

Каждая судорога Цзян Чэна, каждый затаенный от боли вздох, каждая капля пота, сбегающая по щеке...

Все это, будто легкое перышко, едва ощутимо скребло по давно онемевшим нервам повелителя демонов.

— Но... — голос Су Е стал на несколько тонов ниже. — Видеть, как мучаешься ты...

Он смотрел на совершенно бескровное лицо Цзян Чэна, на его глаза, расфокусированные от страданий.

Странное, будоражащее и полное разрушительного желания чувство диким вихрем пронеслось в груди Су Е.

— Меня это... на редкость раздражает.

Раздражение.

Это чувство было Су Е в новинку.

Раньше, видя мучения игроков, он испытывал лишь возбуждение и сладость мести. Но сейчас, глядя на боль Цзян Чэна, он чувствовал, будто в груди застрял ком сырой ваты — дышать становилось тяжело и душно.

Это походило на чувство, когда ломается вещь, принадлежащая тебе. Или... когда добычу, которую ты так тщательно оберегал, вдруг начинает терзать кто-то другой.

— Проклятье, — тихо выругался Су Е.

Он резко поднялся.

Его высокая фигура в отсветах костра отбросила огромную тень, которая в мгновение ока накрыла Цзян Чэна.

Цзян Чэн, полностью погруженный в свою боль, внезапно почувствовал, как померк свет и навалилось удушающее давление. Он инстинктивно попытался отпрянуть назад, но позади была лишь холодная скала — отступить некуда.

— Что... что ты делаешь? — с испугом уставился Цзян Чэн на стоявшего перед ним Су Е.

На таком расстоянии он отчетливо улавливал исходящий от повелителя демонов запах, в котором смешались ароматы дождя, ржавчины и этот ни с чем не сравнимый едкий дух паленой электроники.

Су Е не ответил.

Он смотрел на Цзян Чэна сверху вниз. На этого одетого в красное мужчину, который сейчас казался настолько хрупким, словно мог рассыпаться от малейшего прикосновения.

Цзян Чэн продолжал дрожать. От невыносимой боли его губы были искусаны до белизны, на них проступили капельки крови, а глаза, обычно скрытые за стеклами очков, сейчас заволокли слезы, придавая ему беззащитный, сломленный вид.

— Системное уведомление, — внезапно заговорил Су Е. Его голос звучал хрипло, с какой-то странной механической интонацией, будто он зачитывал информацию, извлеченную прямо из базы данных. — В состоянии крайней боли человеческий организм выделяет эндорфины для самозащиты.

Цзян Чэн опешил. Он читает ему лекцию по биологии в такой момент? У этого ИИ что, окончательно сгорели платы?

— И что? — настороженно спросил Цзян Чэн.

— Но твое тело слишком слабое, — взгляд Су Е скользнул по тонкой шее Цзян Чэна. — Скорость выделения эндорфинов не поспевает за скоростью передачи болевых импульсов.

Су Е сделал паузу. Его глаза потемнели, кадык судорожно дернулся.

— Кроме того, существует другое вещество, способное подавлять боль куда эффективнее.

Он медленно наклонился.

Упершись обеими руками в камни по бокам от Цзян Чэна, он полностью запер его в пространстве своего тела.

Расстояние между ними сократилось настолько, что они улавливали дыхание друг друга.

— Это... дофамин.

Су Е впился взглядом в губы Цзян Чэна. Те были испачканы алой кровью и походили на спелую вишню, которая так и манила, чтобы ее сорвали.

Мозг Цзян Чэна соображал туго из-за боли, но он попытался задействовать остатки логики,

чтобы возразить:

— Ха?.. Это же... это прописные медицинские истины... Мы же в иг... мпх!

Цзян Чэн не успел договорить слово «игра».

Все звуки его голоса были безжалостно заглушены.

Су Е без малейшего предупреждения подался вперед и накрыл его губы своими.

Нет, это был не поцелуй — это было поглощение.

Без нежной прелюдии, без пробных прикосновений. Су Е вёл себя как хищник, которого слишком долго держали в клетке. Он сбросил маску цивилизованности и мёртвой хваткой вцепился в горло своей добычи.

— Мм-м?!

Глаза Цзян Чэна округлились, зрачки резко сузились.

Ощущение от чужих губ было грубым и обжигающим. Губы Су Е были слегка обветренными.

Следом началось вторжение.

Язык Су Е бесцеремонно раздвинул зубы Цзян Чэна и ворвался внутрь, принося с собой стойкий привкус железа. Это была кровь самого Су Е и кровь Цзян Чэна.

— Отпу... мм...

Цзян Чэн попытался оттолкнуть Су Е.

Но едва его ладони коснулись груди повелителя демонов, как тот перехватил его запястья, поднял их над головой и намертво прижал к скале.

— Не двигайся, — глухо и бессвязно прорычал Су Е, и в его голосе проступило сдерживаемое безумие.

Этот поцелуй был невероятно властным. Су Е подчинял себе каждый миллиметр рта Цзян Чэна, впитывая его влагу и сплетаясь с его языком. Сила натиска была такой, словно он вознамерился вытянуть из Цзян Чэна саму душу.

Воздух исчез в одно мгновение, принося удушье. Цзян Чэну показалось, будто он рухнул в бездонный океан, где вокруг были лишь бескрайняя тьма и властное, неодолимое присутствие Су Е.

Однако произошло чудо.

В этом яростном, почти насильственном поцелуе, когда от нехватки кислорода в голове образовалась звенящая пустота...

Та самая жуткая, фантомная боль в плече, терзавшая Цзян Чэна до глубины души, действительно... исчезла.

Вернее, ее перекрыло кое-что другое.

Электрический ток, пробежавший по телу от сплетения губ и языков, головокружение от нехватки воздуха, страх перед жестким контролем Су Е и... стыд.

Эти мощные сенсорные стимулы хлынули в мозг сплошным потоком, мгновенно заблокировав каналы, по которым шли болевые сигналы.

Дофамин, адреналин, гормоны.

Эти биохимические соединения бешено вырабатывались внутри виртуальной оболочки, разжигая совершенно иной пожар.

И перед лицом этого бушующего пламени незначительная боль в плече казалась сущим пустяком.

Широко раскрытые глаза Цзян Чэна постепенно потеряли фокус. Рука, которая секунду назад пыталась оттолкнуть мужчину, незаметно для него самого вцепилась в Су Е.

Он схватился за единственную уцелевшую левую руку Су Е, вонзая ногти в его крепкие мышцы. Цзян Чэн тонул, и Су Е оставался его единственным спасительным кругом.

— Хм... А-а...

Едва сдерживаемый горловой стон вырвался у Цзян Чэна.

В нем больше не было муки — теперь это был выдох, окрашенный чистым желанием.

Этот звук подействовал как катализатор, заставив Су Е действовать еще напористее.

Он отпустил запястья Цзян Чэна и переместил руку ему на талию. Огромная ладонь, покрытая мозолями, легла поверх тонкого алого шелка, и ее обжигающее тепло едва не плавило кожу Цзян Чэна.

Он с силой сжал его бок, словно пытаясь вплавить это тело в собственную плоть и кровь.

Дождь снаружи продолжал лить, цифровой ливень шумел и трещал на все лады, а в пещере тихо потрескивал костер.

Но в этом крошечном, замкнутом мирке не существовало ничего, кроме их бешеного сердцебиения и влажных звуков поцелуя.

В эту секунду не было ни бога, ни повелителя демонов. Были лишь две души, затерянные в пустошах игрового мира, которые согревали и терзали друг друга.

Прошло много времени.

Так много, что Цзян Чэну показалось, будто он действительно умрет от этого поцелуя.

Су Е наконец отпустил его.

Когда их губы разъединились, между ними натянулась тонкая серебряная нить слюны, блеснувшая в отсветах костра и тут же порвавшаяся.

Цзян Чэн бессильно осел на камни. Его грудь тяжело вздымалась, он жадно глотал свежий воздух. Губы опухли и горели, на них блестели капли влаги и выступила кровь, что выглядело

одновременно пугающе и... порочно.

Его глаза, в которых всегда царили холодный расчет и логика, сейчас заволоклись туманом. В них читались шок, стыд и еще не остывшее послевкусие наслаждения.

Он тупо смотрел на нависшего над ним Су Е, а в голове была сплошная каша.

Боль... действительно утихла. Хотя плечо все еще ныло, та острая, невыносимая мука отступила, оставив после себя лишь истому и слабость во всем теле.

Су Е продолжал нависать сверху, упираясь руками по обе стороны от лица Цзян Чэна.

Его дыхание тоже сбилось, грудная клетка ходила ходуном. Золотой блеск в его гетерохромных глазах сменился не леденящей жаждой убийства, а куда более опасным, багровым сиянием, напоминающим бурлящую лаву.

Это было вожделение. Алчность хищника, распробовавшего вкус добычи.

Су Е протянул руку и огрубевшей подушечкой большого пальца с силой провел по припухшим губам Цзян Чэна, размазывая кровь и окрашивая их в сплошной багровый цвет.

— Полегчало? — голос Су Е был пугающе хриплым, будто он наглотался песка.

Этот звук привел Цзян Чэна в чувство, и к нему наконец начала возвращаться логика.

Он посмотрел на стоящего перед ним НПС, который только что разрушил все его личные границы. Ощущение стыда мгновенно накрыло его с головой. Лицо вспыхнуло, уши запылали.

— Ты... — Цзян Чэн тяжело дышал, пытаясь ругаться, но его голос звучал мягко и совершенно не угрожающе. — Ты... это же домогательства до игрока... Это прямое нарушение инструкций...

Как геймдизайнер, он в первую очередь попытался обвинить систему в нарушении правил.

— В этой игре... НПС не имеют права... не имеют права совершать подобное с игроками...

— Не имеют права на что? — перебил его Су Е.

Су Е посмотрел на своего создателя, который все еще пытался защититься с помощью правил, и нашел это забавным.

Правила? Что это вообще такое?

— Ха, — негромко усмехнулся Су Е.

Он опустил голову, снова приблизив губы к уху Цзян Чэна.

На этот раз он не стал целовать его, а лишь приоткрыл рот и слегка прикусил его мочку.

— Ах! — Цзян Чэн резко втянул шею.

Су Е остался доволен его реакцией.

Он поднял голову. В его разноцветных глазах вспыхнул багровый свет, несущий в себе дикую гордыню и порочность существа, перешагнувшего через любые табу.

— Я же злодей, создатель.

Пальцы Су Е скользнули по подбородку Цзян Чэна и остановились на кадыке, слегка надавливая на него.

Ощущая пальцами слабое, хрупкое биение пульса, Су Е медленно отчеканил каждое слово:

— А злодеи... никогда не спрашивают разрешения.

Бабах!

Снаружи пещеры гроыхнул мощный разряд молнии, озарив безупречное, демонически красивое лицо Су Е и осветив промелькнувший в глазах Цзян Чэна невероятно сложный спектр эмоций.

В это мгновение оковы, именуемые правилами, окончательно рухнули.

Их место заняла другая — невидимая, но куда более прочная цепь, намертво связавшая их двоих перед падением в бездну, имя которой — любовь и боль.

<http://bllate.org/book/18344/1768466>